

УДК 82 Шаров. 08
ББК 83.3 (2 Рос = Рус)

Т.Е. Сорокина

ИСТОРИОСОФСКИЕ ДОМИНАНТЫ В РОМАНАХ В. ШАРОВА

Статья посвящена исследованию философии истории как художественной реальности романов Владимира Шарова, воссоздающих события русской революции и советского времени в эсхатологической перспективе.

Ключевые слова: *художественная историософия, историософские доминанты, литературная эсхатология, мифологизация реальности, религиозный подтекст.*

Сорокина Татьяна Евгеньевна – докт. филол. наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания Южного федерального университета
Тел.: + 7-926-375-08-32
E-mail: tasor74@yandex.ru

Художественная историософия стремится обратить внимание на уровень текста, который способен повысить актуальность произведения, включить его в контекст социальных и нравственно-философских процессов. Проблемы художественной историософии ставят и по-своему решают литературные тексты Владимира Личутина и Виктора Пелевина, Александра Проханова и Захара Прилепина, Павла Крусанова и Владимира Шарова.

Художественный мир Владимира Шарова – один из самых заметных миров, созданных в русской литературе за последние десятилетия. Его произведения, отличающиеся константным стилем, не менее узнаваемы, чем тексты Захара Прилепина или Виктора Пелевина. Художественная реальность и её изображение в романах Шарова подчинены определенным законам. Во всех романах Шарова действуют одни и те же законы, о которых стоит сказать особо.

К какому бы времени ни обращался писатель (например, в романе «Репетиции» основное время – XVII в.), он обязательно приходит к событиям русской революции, рассматривая революцию как ключ к пониманию национальной истории и судьбы русского народа. Стандартное время действия в романах Шарова – весь XX в., который предстает как единство трех основных этапов: подготовка к революционным событиям, развитие революции, Гражданской войны и их последствия вплоть до 90-х гг. XX в. «Революционный хронотоп», воссозданный автором, позволяет и событиям минувших

эпох рассматривать в контексте сюжета, кульминация которого приходится на 1917 г.

Ни один роман Шарова не обходится без использования значимых исторических имен. Имя (Ленин, Сталин, Троцкий и т.д.) сразу же вызывает в памяти читателя стереотипный образ, некий штамп, связанный с коллективным восприятием революционной драмы. Но этот штамп (у него есть две ипостаси: революционный героизм и преступления в контексте революции, не имеющие оправдания) сразу же оказывается в пространстве сознания, превращающего исторические имена в имена, сохраняющие знакомую форму, но приобретающие иной смысл. Имя может совпадать со своей классической внешней биографией: Ленин сильно болеет в последние годы, умирает в 1924 г.; Сталин наращивает волну репрессий; Николай Федоров всю свою сознательную жизнь посвящает «философии общего дела». Однако совпадение внешних форм лишь усиливает провокационный характер образов: мотивы известных поступков становятся совершенно иными, меняя характер героев, имеющих отношение к истории. Как известно, в официальном советском восприятии жизни революционеров превращались в коммунистические жития, отсекающие бытовые моменты и те двусмысленные мотивы, которые могли разрушить целостность житийного образа. Эта житийность сохраняется и в романах Шарова, но наполняется другим содержанием: практически все деятели революции мечтают о религиозном преображении, а не о победе конкретных идеалов марксистской философии. Можно сказать, что социология революции у Шарова растворяется в ее метафизических мотивах. Именно поэтому вторым по частотности типом исторических имен, используемым автором, становится имя того или иного русского философа, представленного как соратника революции.

В романах Шарова всегда есть эксплицитно выраженный повествователь – рассказчик, имеющий свою романную биографию. В анализируемых нами текстах («До и во время», «Будьте как дети») рассказчик непосредственным образом связан с психиатрической больницей, где он лечится от потери памяти или эпилепсии. Важно и то, что ответственность за речи историософского статуса несут лица, также близкие к больнице. Ифраимов, чей рассказ о Сталине, Федорове и Ленине образует сюжетный центр в «До и во время», является пациентом психбольницы. В романе «Будьте как дети» первую информацию, мифологизирующую последние годы Ленина, Дима также получает в подобном заведении. Ищенко, ответственный за развитие темы «Ленин и дети как новый пролетариат», ведет уроки в специнтернате.

Обесценивает ли историософские речи факт акцентированного отношения рассказчиков к проблеме безумия? И зачем Шаров заставляет своих героев произносить самые значимые слова романа именно в контекстах, которые не могут не подчеркнуть присутствие мотива сумасшествия? Кратко сформулируем наши предположения.

1. Пространство и состояние героев, актуализирующие мысль о безумии, еще раз показывает, что читатель имеет дело с литературой, имею-

щей право на фантазию, а не с исторической наукой, отличающейся дисциплиной ума. Специальным указанием на безумие рассказчиков автор уменьшает свою ответственность, подчеркивает, что у читателя остается право признать происходящее бредом.

2. История и есть безумие. Ее двигатель – идеология, теснейшим образом связанная у Шарова с мифологией. Мифология исторического движения рождается в сознании тех, кто поднимается над реальностью, над целесообразностью настоящего момента и ставит задачи, которые не могут не быть «безумными» по отношению к жизни отдельного человека. Исторический перелом совершается, по Шарову, тогда, когда рождается коллективный образ нового мира, подталкивающий человека к отказу от устоявшейся, проверенной действительности.

3. Религия – сфера сознания, удаленная от разума в большей степени, чем история. Мотив безумия в романах Шарова подчеркивает, что революция (как кульминационное событие истории) превращается в религию – форму сознания, требующую активизации «невидимого», свободного от рациональных объяснений.

4. Христианство остается в «До и во время» и «Будьте как дети» общим религиозным пространством, но каноническим его никак нельзя назвать. Если коллективная религия обращается и к разуму человека, вырабатывает формы повседневной социальности, то сектантское сознание, использующее христианскую риторику и меняющее ее содержание, часто делает ставку на «безумие» как на форму совершенно определенного влияния на потенциального неофита. Сектантская религиозность, очевидная в обоих романах, приводит к «сектантской» версии истории, требующей веры, а не разумного постижения.

5. Наконец, имеет значение и мотив «безумия XX века», который также стал одним из штампов общественного сознания. Невероятное толкование известных событий, сохраняющих в романах свою узнаваемую форму, лишь подчеркивает особую ненормативность истории минувшего столетия. В романах Шарова направляющей силой истории является сумасшедшая вера в грядущий рай, в который можно войти путем планового усиления людских страданий. Бог, увидев эти страдания и безнадежный характер человеческой истории, должен услышать «революционеров» и положить конец земной относительности.

Христос у Шарова – главный герой русской революции, архетип целей и задач, решаемых в ее развитии. «Сколько себя помнил, любил Христа, и, как ни странно, любовь к Нему совсем не мешала мне любить Ленина», – признается главный рассказчик в «До и во время» (с. 14). Время действия в «Будьте как дети» – весь XX век и часть XIX в качестве пролога, но романский хронотоп нельзя понять без обращения к двум евангельским цитатам, которые помогают осмыслить происходящее как историческую реализацию двух евангельских цитат: «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»; «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жер-

нов на шею и потопили его во глубине морской» (До и во время, с. 14). У толстовцев и большевиков, напряженно размышляющих об Иисусе Христе, были общие цели и близкое отношение к действительности. «Острое чувство несовершенства этой жизни», «брезгливость к обыденности» объединяли их, как и задача «превращения земли в рай».

В чем отличие восприятия Христа героями Шарова от образа евангельского Иисуса Христа?

1. Для шаровских героев Христос – не Богочеловек, который важен прежде всего своей земной жизнью, вместившей определенные поступки и слова, а особый принцип изменения реальности, которая становится «христианской» только тогда, когда начинает стремиться к воскрешению и преображению, не взирая на средства, приводящие к масштабным людским потерям.

2. Христос – тот, о ком говорят, на кого ссылаются, но вместе с тем не затихает спор с ним. Федоров, Скрябин, Ленин, Сталин – герои, которые желают стать «Христом» в ходе своей религиозно-политической деятельности.

3. Есть у Шарова и мотив Христа-неудачника. Много обещано, но далеко не все исполнено. Страдания не исчезли, социальные пространства не стали чище. Значит, героям, дерзающим на креативные поступки в контексте истории, необходимо доделать начатое Христом и незаконченное им дело спасения. История рассматривается многими персонажами как практическое воплощение «евангельской программы».

4. Евангельский Христос – воплощенная любовь, противостоящая злу. Те, кто стремится стать «Христом» в романах Шарова, не могут обойтись без активного взаимодействия со злом – обманом, заключением в тюрьму, убийствами. Цель вхождения человечества в рай, прекращения истории оправдывает (в оценке героев) средства, даже делает их необходимыми.

5. Христос часто предстает в прозе Шарова как коллективный герой. Вожди, обрекая народ на страдания, превращают его в Христа, который обречен страдать и умереть, потому что без страдания нельзя пережить воскресение.

6. Есть у Шарова и мысль о том, что Христос – это миф, создаваемый тысячами сознаний на протяжении многих веков. Такими же мифологическими фигурами оказываются Ленин и Сталин, созданные народом. Следовательно, история есть мифология, а не действительность, феномен, близкий к литературе, а не реальной жизни. Как Христос «живет» в Евангелиях, ему посвященных, так и Ленин и Сталин начинают существовать в «мифах», конструируемых в романах Владимира Шарова.

«Конечной целью общей программы было возвращение самим человеком, а не Богом, всего человеческого рода в рай и его соединение с Господом. Для этого предусматривалось воскрешение всех умерших, начиная с Адама, а также дарование каждому личного бессмертия, вечной молодости и полноты счастья», – сказано о группе «Эвро», готовящей революцию еще в XIX веке (До и во время, с. 83). Революция

предстает программой религиозно-исторических вопросов, а для этого необходимо, чтобы архетип Христа вступил во взаимодействие с архетипом Иова. Образ Иова возникает, когда на первый план выходит концепция смыслопотери.

«Я чувствовал, что Он ушел от нас всех. Вообще ушел. (...) Я буквально кожей чувствовал, что приближается какая-то страшная, ни с чем не сравнимая беда, что мир покинут и неминуемо должен погибнуть. Держаться ему не на чем», – утрачивает Алексей присутствие Бога (До и во время, с. 110 – 111). «Мир Бога – мир вопросов, однозначность слова – страшная болезнь», сказано в романе «До и во время». Революция интерпретируется как попытка вступить с Богом с диалог и не просто получить ответы, а действительно изменить мир. В основе этого диалога – ветхозаветный образ Иова. С Иовом сравнивается Ирина («Будьте как дети»), потерявшая дочь и бесконечными изменами доказывающая Богу, что он был не прав, отняв у нее ребенка. «Как Иов, он должен все потерять и всего лишиться, только тогда ему откроется правильный путь», – говорится в этом же романе о самосознании Ленина. Иовом несколько раз назван Николай Федоров в романе «До и во время», решивший преодолеть «коварство Господа», закрывшего человеку дорогу в рай. «Федоров думал, что армия упрощенных и уравненных людей сама поймет, что мир таким сложным, каким он был создан Богом, не нужен. (...) Революция, которую он задумал, должна была разрушить устройство этого мира, не оставить из него ничего. (...) Федоров не хотел никакого продолжения жизни, он хотел повернуть ее вспять, замкнуть, погрузить в себя», – таков бунт героя, восходящего в своем имени к знаменитому философу воскрешения (До и во время, с. 197). Даже запись жизни пациентов психбольницы, предпринятая рассказчиком в «До и во время», сопоставляется с делом Иова: «Я чувствовал, как все это важно для Бога, то есть он тоже запутался и не уверен, не знает, что делать дальше, не знает, нужны ли вообще люди этому миру. Он уже склонялся к тому, что не нужны, что все зло от нас и мы неисправимы, но если я полюблю тех, кто здесь лежит, то, значит, Он, уйдя от нас, ошибся, тогда мы совсем не так плохи и еще можем быть спасены» (Там же, с. 115).

Иов, который в ветхозаветной книге никак не связан с историей, становится символом движения истории, ее двигателем. По Шарову, история лишь тогда набирает ход, когда появляются четко осознанные претензии – не к правящим классам или социальному устройству в одной отдельно взятой стране, а к мирозданию в целом. Жестокость, неразборчивость в средствах – формы монолога, обращенного к Богу с целью заставить его проявиться, ответить человеку на его вопросы о страдании. Парадокс в том, что эти вопросы в романах задаются в ходе специального умножения страданий. Репрессии – знак обращения к Богу, именно они порождают «решающую для судеб революции мысль»: федоровцы «говорили, что, учитывая всеобщее воскресение, правильно и даже необходимо уничтожать, причем для их же собственного блага, каждого, чье существование препятствует общему делу – воскресению всех, когда-либо живших на Земле» (До и во время, с. 251). Ветхозаветный Иов своими речами, обращенными к Богу,

показывает отсутствие справедливости и иллюзорность гармонии. Те же цели обнаруживаются в романах у русской революции: «Надежды, возлагаемые «Эвро» на революцию, оправдались полностью, разрушив до основания старую пирамиду общества, многократно перемешав всех и вся, сделав так, что люди, бывшие наверху, оказались низвергнуты в самый низ, в бездну, а их место заняли другие, без рода и племени, она не только бесконечно обогатила жизненный опыт народа; голод, холод, холера, тиф, расстрелы заложников, убийства братом брата, сыном отца – все это стало частью нормальной, обыденной жизни; но самое важное – она освободила людей от всех прежних комплексов и условностей, показала необязательность, иллюзорность, потрясающую, ни с чем не сравнимую непрочность старого мира, ведь он рухнул в один день» (Там же, с. 321).

История интересует героев Шарова в ее связи с Апокалипсисом: «Ленин, будучи верным учеником Скрябина, знал, что русская революция – это лишь начало, прелюдия всемирной гибели и Апокалипсиса» (Там же, с. 331). Смерть оценивается шаровскими революционерами как инструмент ускорения жизни: хочешь построить коммунизм, надо убивать и убивать. Так как эта смерть – ради воскресения, то моральные сомнения уходят на второй план. «Те, кто в ней убивал, и те, кто погиб, каждый на свой лад хотели спасения человеческого рода», – высказывается Никодим о Гражданской войне (Будьте как дети, с. 60).

«Жестокие дети», – этот образ часто появляется в романах Шарова. Все русские философы и революционеры, включая Ленина и Федорова, Сталина и Скрябина – дети, страстно желающие воскресения и готовые на любые жертвы ради решения своей сверхзадачи. По Никодиму, «революция есть попытка вновь жестко разделить добро и зло, сделать мир столь же простым и ясным, что и до грехопадения» (Там же, с. 264). «Ленин думал, что при коммунизме люди будут жить, ничего и ни о ком не помня, но зато видя, слыша, осязая, обоняя мир, как после долгой зимы. Они, словно вчера родившиеся младенцы, станут чувствовать его всем, что у них есть. И невообразимое счастье, ликование никогда не кончится», – сообщает повествователь, комментируя мысль Ленина о том, что Христу, возможно, и не стоило взрослеть (Там же, с. 157). «Всегда важная для Шарова, отчасти упрощенно-русоистская, отчасти псевдодостоевская идея возвращения в детство – в естественное, некультурное и, следовательно (в рамках этой логики), смиренно соответствующее божественному замыслу состояние – на сей раз становится ключевой. Таким образом, традиционной романной схеме “развития характера” противопоставляется схема его деградации, своеобразного антивоспитания личности, обратного движения к исходной точке, вопреки сопротивлению опыта и языка», – пишет И. Каспэ [Каспэ].

Об «игре с историей» пишет В. Березин [Березин]. Игра, безусловно, присутствует, но, как видно из самих романов и многочисленных авторских комментариев к ним, для Шарова все происходящее в них значительно серьезнее, чем просто игра. Для Шарова игра приобретает символический смысл. Важно и то, что автор, чьи герои прославляют

революцию, поддерживает демократию: «Возможно, подобная система, если брать не десять-двадцать лет, а, например, сто, нежизнеспособна. Возможно, отказ от отбора неизбежно ведет к вырождению, гибели, и все же – хотя, по опросам, две трети этих самых скандинавов атеисты, да и другая Европа по сравнению с прошлыми веками куда менее религиозна, – мне кажется, что мир, который они построили, ближе к Господу, чем любой другой» [Шаров, 2003].

В романах Владимира Шарова, таким образом, стилизованное сектантское сознание, объединившее русскую религиозность с русской революционностью, заполняет все пространство произведения, косвенно полемизируя с классическими интерпретациями национальной истории.

Литература

Березин В. Каганович и Пятикнижие. Шаров воскрешает Лазаря // Независимая газета, 2003, 23 января; http://exlibris.ng.ru/printed/fakty/2003-01-23/2_sharov.html.

Каспэ И. Не вря, не ржа, не спася (Рец. на кн.: Шаров В. Будьте как дети: Роман. М., 2008) // НЛО, 2008, № 93.

Шаров В. Будьте как дети. М., 2008.

Шаров В. До и во время. М.; СПб., 2005.

Шаров В. Конфликт цивилизаций: подводная часть // Знамя, 2003. № 4; <<http://magazines.russ.ru/znamia/2003/4/sharov.html>>.